ТОРЖЕСТВО КОМЕДИЙНОСТИ

Сегодня Королевский Шекспировский театр Великобритании комедией «Все хорошо, что хорошо кончается» завершает свои гастроли в Ленинграде.

В этом спектакле стихия комического обнаруживает свое богатство. Великолепное и тонкое кружево хитро сплетенного сюжета, бесконечная вариация узоров фабулы, неиссякающая шекспировская изобретательность в проявлении характеров и чувств наполнили органической жизнью. Если можно так выразиться, «оркестровка» театрального действия сделана режиссером Джоном Бартоном настолько мастерски, что одинаково убедительно воспринимаются самые неожиданные пласты остроумной и сложной пьесы.

Все оттенки комического блистают в веселом представлении, идущем на фоне архитектурно изысканных и утонченных по цветовой гамме декораций художника Тимоти О'Брайена. Игра актеров, свет, краски, на мгновения возникающая музыка словно переливаются на сцене множеством самых разнообразных оттенков. Добродушие забавной шутки отличает жест Короля — артиста Себастьяна Шоу, когда он старается поддержать одного из молодых людей, среди которых героиня комедии должна избрать себе мужа. Острой иронией наполнено отношение театра к трусу и хвастуну Паролу — артисту Клайву Свифту. Народным живым, грубоватым юмором пронизано все поведение выразительного Шуга — артиста

Иена Хогга. Почти фарсовое озорство есть в любовной атаке Бертрана, соблазняющего Диану, и в ее хитром кокетстве. Театр смело идет навстречу «невероятному» в шекспировской комедии и забавляется исцелением старого вешеносца — только что он лежал перед зрителями на печальном ложе и вдруг в следующем эпизоде появляется, делая веселое антраша. Но большой смысл содержится в той откровенной насмешке, которая пронизывает все военные сцены в флорентийских эпизодах.

Марш воjak-солдат и офицеров, каждый их жест, вся фанфаронская «бравая» поведка, оркестр, звучащий, как он мог бы звучать в оперетте-буфф, — все подчинено осмеянию фальшивой воинственности. И если военные сцены в «Макбете» потрясли трагедией человеческого убийства, то в спектакле «Все хорошо, что хорошо кончается» война предстает как бессмыслица, как нецелесообразность авантюра.

Тому, что серьезно в пьесе, придается глубокое значение и в спектакле. Режиссерские и актерские акценты точны, верны, сделаны тонко и точно. В этом смысле, думается, самое важное — как ведут актеры в спектакле тему любви. Бертран отказывается от Елены, более того — он бежит от «первального брака», покидая родину. Но есть мгновение на сцене, когда перед расставанием двое молодых людей смотрят друг на друга, и здесь пауза наполняется глубоким содержанием. Истинная серьезность чувств озаряет глаза

Елены — артистки Эстелл Келер. И в лице Бертрана вдруг отражается неожиданное смятение, в еле уловимых движениях пальцев, рук, корпуса вдруг ощущается волнующая его самого тяга к той, кого он отвергает. Оттого позже, в финале, когда Бертран радостно соглашается соединить с Еленой жизнь и молодые люди опускаются друг перед другом на колени, это воспринимается не как неожиданный и нелогичный конец — «делу венец», а как торжество любви, искренней и всевластной.

Известно, что многие считали счастливым исход шекспировской комедии (как, впрочем, и исход «Укрощения строптивой») немотивированным, непоследовательным. Но спектакль англичан убедительно доносит иное. Здесь отказ Бертрана от брака с Еленой — это борьба самолюбия, протек ложной гордости да еще результат юношеского неумения отдать себе отчет в собственных переживаниях и тяготениях. Разыгрывая вереницу приключений, театр в поступках героев находит психологическую правду. И Шекспир — веселый выдумщик здесь торжествует как поэт — великий психолог, знаток души человеческой.

При такой трактовке истинность Елены, отвоєвывающей любимого, ради своего счастья действующей смело и даже авантюристически, никак не роняет ее жеманного достоинства. Оказывается, Елена больше поиммала Бертрана, чем он сам. Ведь действительно часто в жизни женщины оказыва-

ются пронизательнее мужчин. Спектакль сыгран в ровном и крепком ансамбле, по прежде всего в нем увлекает Пен Ричардсон. Многие хорошо запомнили его по предыдущим гастролям Шекспировского театра в роли Эдмонда из «Короля Лира». Сыгрив Бертрана, артист обнаружил многогранность своей творческой индивидуальности. Невосточное остроумие, мягкая насмешливость, броская ирония пронизывают его мастерство, а за всем этим ощущается удивительный лиризм, обаяние чистосердечной молодости, способность захватывать точайшими оттенками переживаний.

Житейская мудрость отличает спектакль — мудрость, полная оптимизма. Она — в зоркости сердца старой графини Руссельювской, зоркости, которую так правдиво передает артистка Катрин Лейсен; она — в доброте французского короля, словно сошедшего со страниц нинных сказок; она — в атмосфере товарищества, так превосходно воплощенной артистами в ролях офицеров и солдат. А прежде всего эта оптимистическая мудрость — в торжестве любви, земной и высокой по духу, ломающей сословные преграды и предрассудки, вознижающей душу, победоносной, какова всегда любовь у гуманиста Шекспира.

И не потому ли наша новая встреча с Королевским Шекспировским театром оказалась словно живой встречей с бессмертным английским поэтом?

Ю. ГОЛОВАШЕНКО

6 DEK 1961

Советский институт
т. Ленинград